

T. -C. Элиот

РЕЛИГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

То, что я собираюсь сказать, направлено, главным образом, в поддержку следующих утверждений:

Литературную критику необходимо дополнить критикой, проводимой с вполне определенной религиозно-нравственной позиции. Литературная критика состоятельна лишь в той степени, в какой в обществе наличествует религиозно-нравственное единство. В эпохи-подобные нашей- когда такое единство отсутствует, читатели-христиане стоят перед необходимостью отбирать свое чтение /особенно художественную литературу/ на основании отчетливых религиозно-нравственных критериев. "Величие" литературы невозможно определить, исходя только из литературных критериев, хотя благодаря им устанавливается сам факт принадлежности произведения к литературе.

В течение последних столетий неявно предполагалось, что какая-либо связь между литературой и религией о существует. Это, конечно, не противоречит тому, что литература (в первую очередь художественная) рассматривалась, рассматривается и будет, надеюсь, рассматриваться с точки зрения тех или иных нравственных критериев. Вместе с тем, нравственная оценка литературных произведений осуществляется обычно на основе морального кодекса, принятого в данную эпоху, независимо от того, насколько ему подчиняется современная жизнь. Так, в эпоху, усвоившую христианскую теологию, общепринятый моральный кодекс, будучи ортодоксальным, вполне может порождать экзальтированные и очень далекие от христианства представления о

"чести", "славе" и "мести". Прекрасный пример тому- татрализованная этика елизаветинской эпохи. Однако в тех случаях, когда моральный кодекс отделяется от своей религиозной основы и, как следствие, превращается в привычку, он оказывается незащищенным от воздействий как предрассудков, так и нововведений. В такие времена представляется возможность изменять мораль посредством литературы; так что "предосудительным" в литературе нередко становится то, к чему современники попросту не успели привыкнуть. Впрочем, это трюизм: то, что шокирует отцов, вполне безболезненно усваивается детьми. Нередко способность человека приспособливаться к меняющимся нравственным критериям воспринимается как показатель совершенства; хотя в действительности она лишь указывает на полную необоснованность его нравственных воззрений.

Меня интересует сейчас не столько религиозная литература, сколько отношение христианства к литературной критике; однако, нeliшне определить те значения, которые на мой взгляд, принимает термин "религиозная литература".

Во-первых, о "религиозной литературе" говорят точно в том же смысле, в каком говорят об "исторической литературе" и "научной литературе". Канонический перевод Библии и произведения Джеремии Тейлора можно считать литературой, поскольку литературой считаются исторические труды Кларендана и Гиббона, "Логика" Бредли и "Естественная история" Бюффона. Все перечисленные авторы- какие бы религиозные, философские и научные задачи не стояли перед ними- наделены писательским даром, который, независимо от содержания

их произведений, приводит в восторг тонких ценителей языка. Добавлю, однако, что хотя научные, исторические, богословские и философские труды, относящиеся к "литературе", могут по прошествии лет устареть во всем, кроме своих литературных достоинств, они вряд ли бы стали "литературой", если бы не обладали в свое время научной или иной ценностью. Признавая полную законность наслаждения "литературностью" таких произведений, я спешу предостеречь от злоупотребления этим. Что ни говори, а люди, наслаждающиеся единственно литературными достоинствами произведений, являются паразитами; а стоит паразитам расплодиться, как они превратятся в настоящую чуму. Я безусловно осуждаю людей, приходящих в экстаз от "поэтичности" Библии или называющих канонический перевод Библии "величественным памятником английской прозы". Восхищаться Библией как "памятником прозы" - значит превращать ее в надгробие над могилой христианства. Постараюсь избежать в своем докладе окольных путей и заявлю прямо: точно так же, как литературные достоинства трудов Кларендана, Гиббона, Бюффона и Бредли существенно бы упали, будь они малосодержательны с точки зрения истории, науки или философии - так и Библия оказала сильнейшее литературное влияние на английскую литературу лишь потому, что ее воспринимали не как литературное произведение, а как свидетельство Слова Божия; и тот факт, что наши современники видят в Библии "литературу", указывает, по-видимому, на конец ее "литературного" влияния.

Вторая разновидность взаимоотношений религии и литературы раскрывается в так называемой "религиозной" или

"благочестивой" поэзии. Каково отношение современного любителя поэзии /я имею в виду настоящего знатока, а не того, чьи мнения обусловлены вкусом других людей/ к этому жанру поэзии? Думаю, что ~~это~~ одно определение религиозной поэзии как жанра все объясняет. Современный ценитель поэзии полагает /хотя не всегда явно/, что стоит назвать поэзию "религиозной", и ее границы будут тем самым точно определены. Для подавляющего большинства читателей "религиозная поэзия"- одна из разновидностей ма-ло-й поэзии, а религиозный поэт- не тот, кто пронизывает всю свою поэзию религиозным духом, а тот, кто имеет дело со специфической областью поэзии; отказываясь изображать человеческие страсти, признаваемые всеми важнейшими, он, тем самым, как бы расписывается в своем поэтическом бессилии. Уверен, что именно таково отношение большинства читателей к Возну, Саутвеллу, Крэшоу, Дж.Герберту и Дж.Гопкинсу.

Я готов признать известную правоту этих читателей, ибо действительно существует поэзия /вроде большинства произведений упомянутых авторов/, порожденная специфически религиозным сознанием, которое отличается от общечеловеческого сознания, предполагаемого во всяком великом поэте. У некоторых поэтов или в их отдельных стихотворениях несомненно присутствует общечеловеческий опыт, но предварительные этапы, на которых он себя обнаруживает, оказываются скрытыми, а публика имеет дело лишь с конечным итогом творчества. Между такими поэтами и теми, чей религиозный дух выражает специфический ~~жанр~~

ограниченный опыт, очень трудно провести разграничительную черту. Я не собираюсь причислять Воэна, Саутвелла, Дж.Герберта и Гопкинса к великим поэтам, поскольку прекрасно вижу ограниченный характер их поэзии. Им далеко до таких великих религиозных поэтов, как Данте, Корнель или Расин, которые даже в произведениях, не затрагивающих христианскую тематику, остаются великими христианами, или как Вийон и Бодлер, которые, несмотря на все свои недостатки и грехи, являются глубоко христианскими поэтами. Со времен Чосера христианская поэзия в Англии /в том смысле, который я раскрою позже/ ограничивалась, по существу, малой поэзией.

Рассматривая религию и литературу, я задерживаюсь на подобных вещах лишь потому, что меня, в первую очередь, интересует не религиозная литература, а взаимоотношение между религией и литературой. По этой причине я не буду останавливаться на третьей разновидности "религиозной литературы", к которой отношу литературные произведения людей, сознательно защищающих религию, или, иначе говоря, занимающихся ее пропагандой. В качестве примера, приведу изумительные сочинения Честертона "Человек, который был четвергом" и "Патер Браун". Вряд ли кто любит их больше меня; но должен заметить, что когда цели, которые ставит перед собой Честертон, преследуются людьми меньшего таланта, результат нередко получается отрицательный. Так или иначе, я исключаю подобные произведения из своего рассмотрения взаимоотношений религии и литературы, поскольку они знаменуют собой сознательные усилия, предпринимаемые в обществе, где между религией и литературой нет никакой

связи. Такая литература находится в сознательной связи с религией, а я хотел бы, чтобы литература была христианской скорее бессознательно, чем намеренно и декларативно, ибо творческая деятельность таких людей, как Честертон, развертывается в мире, ни в коем случае не являющимся христианским.

Убежден, что многие не отдают себе отчета в том, сколь далеко и, вместе с тем, безрассудно отделили мы литературу от религиозных воззрений. Будь разрыв полным, это не играло бы никакой роли, но он никогда не был и не будет таким. Достаточно рассмотреть в качестве примера роман /жанр, оказывающий на современников наибольшее воздействие/, чтобы заметить его возрастающую на протяжении последних трехсот лет, секуляризацию. Если Баньян и Дефо еще преследовали в своем творчестве нравственные цели /первый- несомненно, второй- с известными оговорками/, то после Дефо процесс секуляризации романа, непрерывно прогрессируя, прошел три основных этапа.

На первом этапе романист, исходя из современного ему состояния веры, опускает ее из описания жизни /Филдинг, Диккенс, Теккерей/, на втором- вера подвергается сомнению, защищается или отвергается /Дж.Элиот, Дж.Мередит, Т.Харди/, на третьем /к которому принадлежат все современные романисты, за исключением Джеймса Джойса/- о христианской вере говорится не иначе, как об анахронизме.

Возникает вопрос, не существуют ли взаимоисключающие мировоззрения, так сказать, религиозное и анти-религиозное, и не воспринимают ли люди литературу различными

сферами своего сознания?

Общей почвой между религией и литературой является поведение. Религия оказывает сильнейшее воздействие на нашу нравственность, суждения о мире, самооценку и отношение к близким; литература в неменьшей степени влияет на наше отношение к близким и представления о самих себе. Столкновение с литературными героями, ведущими себя - с одобрения автора - вполне определенным образом, может так или иначе повлиять на нас. Хорошо еще, если писатель - человек, способный сообщить тем, кто готов его выслушать, нечто важное; однако большинство литераторов плывет по общему течению /чуть быстрее других/ и обладает скорее обостренной чувствительностью, чем острым умом.

Принято считать, что для проявления "широких взглядов" на литературу достаточно отказаться от всех своих предубеждений и убеждений, и усматривать в прозе исключительно прозу, а в драматургии - драматургию. К тому, что в Англии не совсем точно называют "цензурой" /справиться с ней гораздо труднее, нежели с официальной цензурой, поскольку она выражает личные мнения в безответственном демократическом обществе/- я не испытываю особых симпатий: частично потому, что она обращает свое внимание не на те книги, которые этого заслуживают; частично потому, что ее эффективность не превосходит эффективности "сухого закона"; а в целом потому, что она исходит не из определенных религиозно-нравственных принципов, а из обычая и привычек. Кроме того, такая "цензура" наделяет людей ложным чувством безопасности, уверяя их, что книги, которые не запрещены, безвредны. Сомневаюсь, что вообще существует

вуют безвредные книги; впрочем, бывают столь нечитаемые книги, что они не в состоянии принести кому-либо заметного вреда. Если содержание книги никого не оскорбляет, это еще не значит, что книга безвредна. И если мы, читатели, оставаясь при своих религиозно-нравственных убеждениях, читаем ради развлечения и эстетического наслаждения, то автор, независимо от своих намерений, никогда не идет на подобное разграничение. Сознательно или бессознательно, он старается воздействовать на нас в целом, и мы, независимо от своего желания, подвергаемся такому воздействию. Воздействие пищи, как известно, не ограничивается наслаждением, получаемым от ее пережевывания, а продолжается в течение всего процесса переваривания и усвоения; точно так же, по-моему, обстоит с чтением.

Тот факт, что чтение не просто влияет на наш литературный вкус, но и непосредственно /хотя и совместно с иными многочисленными факторами/ воздействует на человека в целом, проще всего установить, бросив взгляд на историю индивидуального литературного развития. Возьмите круг чтения восприимчивого к литературе юноши. Вероятно, всякий любитель поэзии вспомнит в своей юности такое время, когда он был безмерно поглощен творчеством какого-то одного поэта или увлекался несколькими поэтами поочередно. Это проходящее со временем увлечение объясняется не тем, что в юности поэзия воспринимается острее, чем в зрелые годы, а тем, что в этом случае происходит как бы вторжение могущественной личности поэта в пределы неразвитой личности читателя. Аналогичное может случиться в более поздние годы с человеком, который мало читал в юности. Сначала один

поэт полностью захватывает нас, затем другой, и, наконец, в нашем сознании начинается их взаимодействие. Мы сравниваем одного поэта с другим, находим у одного достоинства, отсутствующие у другого, и качества, несовместимые с качествами другого- то есть, иначе говоря, становимся критиками; вот это появление критической способности и спасает нас от чрезмерной одержимости одним поэтом. Хороший критик-а мы все обязаны быть критиками и не перекладывать эту ношу на плечи журнальных работников- соединяет в себе неослабевающую чуткость и остроту зрения с широким и, вместе с тем, разборчивым чтением. Широкий круг чтения важен здесь, конечно, не ради накопления знаний и так называемой эрудиции, а по той причине, что увлекаясь одной яркой личностью вслед за другой, нам удается избежать господства одной или немногих личностей. Самые различные мировоззрения уживаются при этом в нашем сознании, взаимодействуя между собой, и наша собственная личность, организуя их в систему, утверждает себя.

Неверно думать, что поэзия и проза, то есть произведения, изображающие поступки, слова, мысли и переживания воображаемых персонажей, непосредственно расширяют наш жизненный опыт. Жизненный опыт всегда связан лично с нами, с пониманием того, как ведут себя люди и что они собой представляют, почерпнутым из той сферы жизни, в которой мы принимали участие. Приобретение жизненного опыта из чтения возможно лишь на новом этапе самосознания, связанном не с пониманием жизни, а с пониманием того, как понимают жизнь другие люди. Коль скоро мы вовлечены в события, происходящие в романе, как если бы

они происходили на наших глазах- мы, в лучшем случае, приобретаем из чтения столько же лжи, сколько истины. Но если мы говорим: "Это- точка зрения Диккенса, Теккерая, Дж. Элиот, Бальзака- человека, который, несомненно, был хорошим наблюдателем; однако его точка зрения отличается от моей, поскольку он- другой человек; он выбрал для наблюдения совершенно не те вещи, что я, и усмотрел в них совершенно иной смысл, поскольку он- другой человек; в его произведениях запечатлен мир, как он воспринимается одним определенным сознанием",- только в этом случае мы получим от чтения нечто полезное. Мы учимся у писателей точно так же, как учимся у истории; но писатели по-настоящему учат нас лишь тогда, когда мы принимаем в расчет их отличие от нас.

По мере того, как мы взрослеем и расширяем круг своего чтения, включая в него самых разнообразных авторов, мы постигаем многообразие человеческих представлений о жизни. Однако многие читатели привыкли считать, что опыт чужих мировоззрений приобретается исключительно из "классического наследия", полагая это вознаграждением за усиления, потраченные на чтение Шекспира, Данте, Гете, Эмерсона, Карлейля и десятка других заслуживающих уважения писателей. Что же касается "легкого чтения",- думают они,- то оно лишь помогает убить время. В отличие от них, я вынужден прийти к тревожному выводу: литература, которую мы читаем для "развлечения" и "удовольствия", оказывает на нас могущественное и совершенно неожиданное воздействие, вследствие чего влияние современной популярной

беллитристики и драматургии требует самого пристального изучения— ведь большинство людей, читающих "для удовольствия", читает современную литературу.

Связь вышесказанного с темой моей лекции, надеюсь, ясна. Конечно, мы можем читать книги для "удовольствия", "развлечения" и "эстетического наслаждения", но нельзя забывать, что такое чтение никогда не оказывает лишь частичное, специфическое влияние; оно воздействует на нас в целом /и среди прочего— на наши религиозно-нравственные представления/. Мне кажется, что хотя некоторые выдающиеся писатели современности достигли вершин мастерства, современная литература явно деградирует. Более того, усилия лучших писателей нашего времени способны привести читателей к деградации, поскольку влияние писателя не всегда совпадает с его намерениями. Такой, например, писатель, как Д.-Х.Лоуренс оказывает на читателя как полезное, так и пагубное влияние; и я не уверен, что сам принес людям одну пользу.

Здесь я предвижу возражения со стороны либералов и всех тех, кто убежден, что достаточно говорить то, что думаешь, и делать то, что хочешь, чтобы все было уложено на основе взаимного приспособления и регулирования самым лучшим образом. "Необходимо все испытать,— говорят они,— на ошибках учаться". Этот довод имел бы смысл, если бы на земле жило лишь одно поколение людей или если бы сыновья умели перенимать опыт отцов— что, как известно, далеко не так. Либералы убеждены, что истина восторжествует благодаря усилиям так называемого неограниченного индиви-

дуализма. Идеи и образы жизни, как они считают, рождаются во всеоружии из независимых умов, и в результате жестокой взаимной борьбы, выживают самые приспособленные из них /а следовательно, и самые истинные/. Всякого же, кто не разделяет этой точки зрения, они объявляют мракобесом, жаждущим остановить часы истории, или фашистом, а лучше - тем и другим сразу.

Если бы современные авторы действительно являлись личностями и имели собственное видение мира, и если бы современная публика состояла из личностей, то не о чем было бы и говорить. Однако этого нет, не было и не будет. И дело, конечно, не в том, что современный читатель /как и читатель любой эпохи/ не способен поглотить и усвоить "мировоззрения" всех авторов /обрушающиеся на него грудой издательских объявлений и книжных обзоров/, чтобы, сравнив одни точки зрения с другими, обрести собственную мудрость. Дело в том, что самих современных авторов нельзя в полной мере считать личностями. Я не хочу сказать, что общество независимых индивидуалистов нежелательно; но это общество, о котором любят поговорить либералы, попросту не существует. На самом деле читатель современной литературы /в отличие от читателя великой литературы всех времен/ не испытывает воздействие разнообразных личностей; напротив, он подвергается массовому воздействию со стороны писателей, каждый из которых считает, что предлагает читателю нечто глубоко личное, а в действительности движется вместе со всеми в одном направлении. Думаю, никогда прежде читающая публи-

ка не была столь многочисленной и не зависела в такой степени от своего времени. Вряд ли когда-либо так усердно читали современных авторов /в противовес авторам прошлого/; и вряд ли существовала эпоха, столь занятая собой и столь бесповоротно отрезанная от прошлого. В какие другие времена существовала столько издательств, столько книг, столько журналов, побуждающих читателей следить за книжными новинками? Индивидуалистическая демократия достигла небывалого уровня развития; однако стать индивидуальностью в наше время оказывается труднее, чем когда-либо прежде.

Современная литература вполне разбирается в своих пределах, что хорошо, что плохо, что лучше, а что хуже; и мне трудно даже представить, как можно смешать Бернарда Шоу с Ноэлем Каурдом, или Вирджинию Вульф с госпожой Мэннин. Вместе с тем, я отнюдь не собираюсь защищать "высоколобую" литературу от "низколобой", а утверждаю лишь то, что вся современная литература поражена тем, что я называю секулярностью, и пребывает в состоянии полнейшего неведения относительно значения сверхъестественной жизни и ее превосходства над жизнью природной.

Не следует воспринимать мою лекцию как иеремиаду против современной литературы. Те, кто разделяют мою позицию, не задают вопрос: **Что нам делать с этим положением?**, а спрашивают: **"Как" нам вести себя в этом положении?"**

Как я уже говорил, либеральная позиция по отношению к литературе совершенно беспerspektivна. Даже если бы все писатели и читатели стали вдруг самобытными личностями, к

чему бы это привело? На каждого читателя наибольшее впечатление при чтении производило бы несомненно то, к восприятию чего он уже готов; в результате он развивался бы по "линию наименьшего сопротивления", и нет никаких гарантий, что сделался бы в результате лучше.

Для вынесения литературных суждений необходимо четко сознавать две вещи: "что нравится" и "что должно нравиться" - а это мало кому известно. В первом случае, следует знать, что мы в действительности чувствуем, во втором - осознавать свои недостатки /чтобы знать, что должно нравиться, надо понимать, почему это должно нравиться, что, в свою очередь, требует сознания, почему оно до сих пор не нравилось./ Необходимо, чтобы обе формы самосознания - знание того, кто мы есть, и кем должны стать, - сочетались и дополняли друг друга.

Нам, читателям литературы, необходимо знать, что нам нравится. Нам, верующим христианам, а также читателям литературы, необходимо знать, что нам должно нравиться. Как честные люди, мы не можем думать, что то, что нам нравится, должно нам нравиться; как честные христиане мы не можем думать, что нам нравиться только то, что должно нравиться.

Менее всего я хотел бы, чтобы существовали две литературы: одна - для христиан, другая - для языческого мира. Помимо, каждый христианин обязан поддерживать определенные критерии критики, превосходящие критерии обычной литературной критики, и прилагать их к каждой читаемой книге. Мы должны помнить, что, хотя некоторые современные

писатели обладают собственными представлениями о сверхъестественном, отличающимися от наших, большая часть современной литературы написана людьми, которые не только не имеют веры, но и игнорируют существование "отсталых" и "экскентричных" людей, осмеливающихся верить. До тех пор, пока мы сознаем, что между нами и современной литературой лежит пропасть, мы защищены от ее вредного влияния и в состоянии извлечь из нее то ценное, что она способна дать.

В наше время многие видят причину всех бед в экономике: одни считают при этом, что с трудностями можно справиться посредством экономических реформ, другие требуют более радикальных социальных перемен. Эти перемены, осуществленные в ряде стран, сходны в одном: они основываются на том, что я называю секулярностью, и имеют дело лишь с преходящей материальной природой и коллективистской моралью. В качестве примера нового вероучения приведу следующую цитату:

"Единственным ключом ко всем вопросам нравственности в нашей морали является способность личности служить государству. Личность должна ответить на вопрос: "Не причинит ли мой поступок вреда народу? Не повредит ли он моей способности служить народу?" Если на этот вопрос имеется ясный и недвусмысленный ответ, личность обладает абсолютной свободой действий".

Я не отрицаю, что такое вероучение представляет собой разновидность морали, которая в определенных пределах приносит пользу, но я считаю необходимым отказаться от морали, не способной выдвинуть более высоких идеалов.

Эта мораль, как нетрудно видеть, является реакцией на воззрение, согласно которому общество существует для блага личности, а не наоборот; претендуя на роль евангелия от мира сего, она не выходит за пределы этого мира. Мое недовольство современной литературой — того же рода. Дело не в том, что современная литература "безнравственна", а в том, что она отвергает или полностью игнорирует наши фундаментальные убеждения и верования. Ее тенденция состоит в поощрении читателей брать, покуда жив, от жизни все, что она дает, не упуская ни одной возможности, а если жертвовать собой, то разве что ради реальной пользы в этом мире /настоящем или будущем/. Мы, конечно, и впредь будем читать все лучшее из литературы, которую предлагает нам современность; но при этом мы должны неустанно критиковать ее, исходя из своих собственных принципов, а не из принципов, принятых писателями и литературной критикой.

1935 г.
